

Собирательница О. Э. Озаровская и «вещая старушка» М. Д. Кривополенова.

Н. И. Хомчук

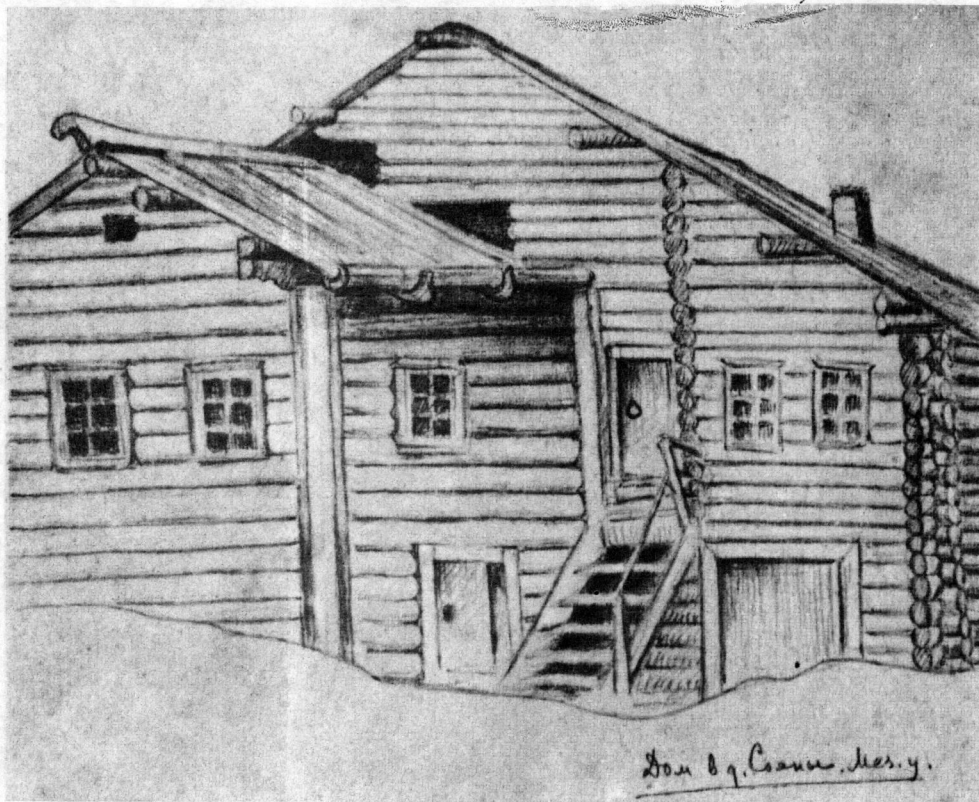
Экспедиции Озаровской

Немолодая полная женщина, примостившись на краешке скамьи, увлеченно слушает рассказ древней старухи, прозванной в родной таежной деревне за долголетие «Кычкой столетней». Проворно (нельзя упустить ни слова!) бегаёт по бумаге карандаш. Такой запечатлел художник, спутник в скитаниях по русскому Северу, Ольгу Эрастовну Озаровскую, неутомимую собирательницу отечественного фольклора и не менее неутомимую его пропагандистку.

«Ольга Эрастовна поставила себе очень трудную, но чрезвычайно важную задачу (...) — воспринять интонационные оттенки и мелодику крестьянской северной речи, про-

анализировать ее на основе знаний декламационного искусства и перенести свои достижения в этом деле на пользу сцены и школы. Много раз совершая поездки на Север, живя в самой гуще деревенского быта, внимательнейшим образом изучая народную речь, записывая с соблюдением научных правил крестьянские песни, былины, сказки, легенды, анекдоты, обряды, О. Э. Озаровская в совершенстве овладела народной речью (...) Многочисленные выступления Ольги Эрастовны перед артистической, научной, студенческой аудиториями (...) стяжали ей громкую и вполне заслуженную славу», — писал, подводя предварительные итоги многолетней и разносторонней деятельности Озаровской, крупнейший знаток народного творчества Юрий Матвеевич Соколов.

Озаровской было за сорок, когда, повинаясь внутренней потребности, следуя своему призыву, она сделала окончательный выбор: после долгих лет работы в Главной Палате мер и весов, где была лаборантом и любимым соратником Д. И. Менделеева, после шумного успеха

Северный дом в дер. Сояны Мезенского уезда. Рис. 1921 г.

на столичной сцене (ей не стыдно было признаться в родстве с известным режиссером и актером Александринского театра Юрием Эрастовичем Озаровским), после плодотворных педагогических опытов в Студии живого слова безоглядно погрузилась в стихию народного творчества, поставив перед собой цель столь же благородную, сколь нелегко выполнимую, требующую полной самоотдачи, если угодно — нравственного самоотречения и подвига, — собрать, спасти, увековечить, сделать достоянием современников и потомков то, что несет народная память, то, в чем запечатлелся многовековой опыт жизни народа, его мудрость и сокровенные чаяния — песни и сказки, былины и скоморошины, легенды, предания, обрядовую поэзию, духовные стихи, заговоры, пословицы, блестящее народное красноречие. «Ведь какие бывальщины бывали — никакая типография уж не сочинит теперь. Уж не знать, кака тогда типография сочиняла», — бережно занесет она на карточку полюбоившийся ей афоризм, слетевший с уст одного из северных своих знакомцев-исполнителей.

Коротко лето в Архангельской губернии, коварны мелеющие после внешнего половодья реки, в тайге — бездорожье и гнус. Под грузом восковых валиков (и как же много приходится брать их с собою, если каждый звучит не более пяти минут, давая возможность зафиксировать то запев скоморошины, то мерное звучание былины, то несколько песенных строф, то фрагмент сказки) и ящика с фонографом оседают в воде легкие северные лодки, по-местному «карбаски» и «дорки». Век магнитофонов еще впереди. Чем ближе к концу пути, тем тяжелее драгоценная ноша: растет кипа полевых записей, экспедиционных дневников, исписанных четким почерком собирательницы, почерком человека, знающего, что он трудится для будущего (низкий поклон Озаровской от фольклористов нового дня — без труда разбирают они сегодня беглые строки, сделанные карандашом начерно более полувека тому назад); переключиваются после нелегких переговоров с местными «жонками» в багаж Озаровской из старинных крестьянских укладок редкой красоты сарафаны, шитые жемчугом головные повязки и завороб-

ники (шейное украшение), штофные «полушубочки», переличатые прабабушкины шали и девичьи шитые «рукава», чтобы обрести вторую жизнь то на сцене Политехнического музея, то в зале Тенишевского училища, то на консерваторской сцене (не честь русских городов, в которых побывала с концертами фольклористка), где Озаровская, помолодев и похорошев, преображенная народным костюмом, что так ловко сидит на приветливой «московке» (ласковое прозвище, данное ей в северных деревнях), одарит слушателей только что записанными сказками, поделится дорожными впечатлениями (ненасытной душе ее мало петроградских и московских газет, мало архангельского «Северного утра», где печатаются путевые очерки под заголовком «За жемчугом»), а то затеет инсценировку старинной свадьбы, вызвав на подмогу верных своих помощниц из архангельской глуши, с которыми успела сродниться.

Скрипят в размытых колеях тележные колеса, медленно поворачиваются весла в уключинах лодок. Год 1914-й, год 1915-й... и так всю жизнь, пока не померкнет зрение, утомленное непосильным бременем записей и корректур. Она не одинока в своих странствиях. В первую поездку на Белое море с ней отправляются молодая единомышленница, сын-подросток Василько Озаровский да верный страж их московского дома озорная лайка Шарик; на Кулой и Пинегу фольклористку сопровождают ученики ее студии, в чьи души она сумела заронить искру огня, который так ярко горит в ней самой. А в октябре 1921 года (трудное для молодой Страны Советов время, но Озаровская не боится трудностей) «Известия Архангельского Губисполкома» уведомят читателей, что в губернии «уже целый месяц работает высланная Академическим центром Наркомпроса научная экспедиция по собиранию и пропаганде народного творчества с артисткой О. Э. Озаровской во главе» и что капитан на четыре часа задержал отплытие парохода по Кулою, поджидая фольклористов.

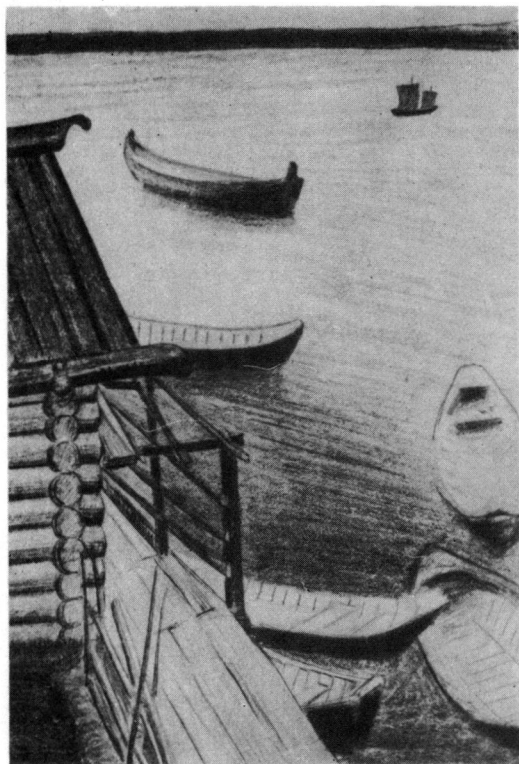
Тажежные реки, древние деревянные храмы, высокие, ладно сложенные из «лиственки» крестьянские дома (отпечаток внутреннего достоинства тех, кто обживал непокорный, гиблый край, как бы лежит на просторных срубках, где вдоволь света и воздуха, где впору разместиться растущей семье, а на крытом скотном дворе довольно места коровам, лошадям, овцам. Свиной и кур не держали северяне: брезговали, не любили дурного запаха и лишнего шума) и, может быть, самое для нас любопытное — портреты исполнителей, тех, ради свидания с кем совершала Озаровская новые и новые поездки на Север, их лица, простодушные и лукавые, веселые и задумчивые, оживают на плотных листах рисовальной бумаги.

Художник, спутник Озаровской в 1921 году, трудился вровень с фольклористкой, ничего не упуская в дороге. Вот кормщик, «корщик» уважительно кличут его на северных реках и в Поморье, ведет карбасок вниз по Кулою, про-

Вниз по Кулою. Рис. 1921 г.

щупывая шестом дно, изменчивое от бесконечной смены отливов и приливов (в устье рек они высоки, как в Ла-Манше). Бывает, правят и гребут на носу (отсюда и название «носик», записанное Озаровской для комментария к рисунку) и ко всему привычные крепкие телом и духом северные «жонки» — и тут у художника карандаш наготове. А вот и устье Кулоя, Долгая щель, и при впадении реки в Белое море покачиваются на волнах остроносые «дорки», а дальше — часовня, уцелевшая от церкви Владимирской божьей матери. «Долгощелье — Архангельская уделок и Москвы уголок», — шутят северяне. Портреты долгощелов, как именуют себя местные поморы, и на каждом — характеристика, а порой и автохарактеристика, вовемя схваченная на карандаш Озаровской и перенесенная ею на паспарту при разборке материалов экспедиции. «Яков Федорович Попов по прозвищу Порхаль. Все былины в Долгощелье от меня пошли, все у меня переняли. Вон Афанасий сказывает: «Это все мое, все мое!» Здесь же портрет Афанасия Яковлевича Нечаева, сказочника и колдуна по прозвищу

Берег Белого моря в устье реки Кулой. Рис. 1921 г.

Утешительный и Маслеюшко, о котором с некоторой запальчивостью отзывался Порхаль, и цитата из речей должцелов: «Афанасий, он утешительный. Он уж утешит!» За прялкой Авдотья Широкая по прозвищу Мгляха, о которой рассказывают удивительные истории: «Мгляха через крышу дома два пуда перекинула» (не обидел бог ловкостью да силой).

Кулойские, пинежские села и деревни — новые напевы, новые лица... «Ефрем Осипович Чирцов. С(ело) Нёмьюга Пинежск(ого) у(езда) Арханг(ельской) губ(ернии), исполнитель духовных стихов. Носит берестяной обруч от головной боли» *. На полях рисунка — отрывок исповедального рассказа исполнителя с сохранением всех черт местного говора: «Как тоскливо, — поедешь в лодочке один и поешь, — вроде как сам себя тешу, а люди говорят: «Колдун. Без ума». И меткое заключение Чирцова, знающего силу слова, цену народной традиции: «Одно слово неправильно выговори — оно неправильно существует, не так действует».

* Е. О. Чирцов служил матросом в Ревеле, был контужен в голову. Жил отшельником, пропадая сутками в тайге. О нем во время экспедиции 1975 года по Кулою поведала мне его дочь, перенявшая песенный дар отца.

«Авдотья Алексеевна Горбунова, 107 лет, основательница Соянского кладбища на своей чистине * (без попа захоронила). Кычка — столетна. С(ело) Сояна Мезенск(ого) у(езда)». В ней нетрудно узнать ту самую «ветхую денюху» старушку, от которой (на другом рисунке) Озаровская с таким вниманием записывает что-то, примостившись рядом на скамье. Так оно и есть, на полях помета: «Кычка сказывает «Потыка» ** О. Э. Озаровской».

Художник (сын собирательницы Василью Васильевич Озаровский смутно припоминает, будто звали его Комаров) рисует. Озаровская, со свойственной ей пунктуальностью, делающей честь серьезному ученому, на каждом рисунке оставляет карандашную помету — где, что (или кто) изображено. И дата. Ольга Эрастовна и сама не лишена дара, которым наделен ее спутник. Не случайно в юности сблизилась она с Анной Ивановной Менделеевой (женой своего великого учителя и руководителя Палаты мер и весов), чьим призванием была живопись. Расписная дуга, русская печь, на диво разрисованная, узорный наличник, убранство девушки-пинежанки побуждают ее взяться за карандаш. Зарисовки сопровождаются пояснениями автора: «Сия дуга деревни Карьёполя крестьянина Андрея Степанова Красикова 1888 года м(есяца) марта 9-го», — воспроизводит Озаровская надпись на дуге; «Оконный наличник в с(еле) Карьёполе Пинежск(ого) уезда Арх(ангельской) губ(ернии)»; «Пинежская девица <...> на масленичных казнях <...> ***», зарисована в дер(евне) Чáкола на р(еке) Пинеге в 1916 г(оду). Зарисов(ано) Ольгой Озаровской»; «Печь в доме Александра Денисовича Кырчакова в Карьёполе. Расписана псаломщиком Васильем Вас(ильевичем) Новиковым годов 25 назад» и дата: 3/IX—21.

Сотни русских крестьян и крестьянок, молодых и умудренных житейским опытом, прошли через творческую лабораторию Озаровской, и каждый исполнитель вносил свою лепту в ее собирательскую «копилку». Но была на пути Озаровской встреча, совершившая истинный переворот в судьбе начинающей фольклористки, во многом определившая направление ее дальнейших поисков, оставившая неизгладимый след в истории нашей национальной культуры, — встреча с Марией Дмитриевной Кривополеновой, пинежской нищенкой Махонькой, как звали ее в родных местах за малый рост и тщедушное сложение. Некогда собиратель архангельских былин и исторических песен Александр Дмитриевич Григорьев опубликовал записи, сделанные от Кривополеновой, но именно Озаровской с ее профессиональным артистическим чутьем и опытом выпало редкое счастье открыть сказительский и песенный дар

* Чистень — место, очищенное от тайги.

** Былина «Потык-богатырь».

*** Масленичных гуляньях, когда представлялась возможность показать себя в праздничном уборе. — Н. Х.

«вещей старушки», как благоговейно назовет ее С. Т. Коненков, «государственной бабушки», как уважительно отзовется о ней А. В. Луначарский, — именно Озаровской пришла смелая мысль извлечь Кривополенову из мрака забвения, вывести ее на ярко освещенную сцену, где обеих ждала настоящая, трудом и талантом завоеванная слава.

Сближение Озаровской с Кривополеновой овеяно легендами и может показаться случайной случайностью. «...Летом 1915 года на берегу Пинег, в ожидании, покуда сдвинется с места омелившийся пароход <...>, Озаровская познакомилась со старой нищенкой <...> Рассказывают, что Озаровская <...> остановилась передохнуть у знакомой пинежской «плачей» (Прасковьи Олькиной) и задремала. Во сне ей почудилось совершенно необыкновенное пение <...> Озаровская пробудилась, <...> вышла на крыльцо, а там сидит крошечная сухонькая старушка и тихонько напевает редкую былинку», — читаем, например, в предисловии к сборнику былин, скоморошин, сказок М. Д. Кривополеновой, подготовленному к печати А. А. Морозовым. Между тем, перелистав архангельскую губернскую газету «Северное утро» за 1915 год, где публиковалась серия очерков Озаровской «За жемчугом» (сборательница сравнивает себя с ловцом жемчуга, открытый ею дар Кривополеновой — с драгоценной жемчужиной; позднее в совместных выступлениях со сказительницей под тем же названием «За жемчугом» расскажет Озаровская о своих поисках и находках во время поездок по русскому Северу), можно составить куда более точную картину этой исторической встречи:

О. Э. Озаровская и «кычка столетна» (104-летняя сказочница) Авдотья Алексеевна Горбунова. Рис. 1921 г.

Ефим Чирцов. Рис. 1921 г.

«...25 мая — 3 июня. Великий Двор <...> Вот я и дома! Так странно, что этот дом на севере, где я провела всего-навсего одну неделю в прошлом году, я считаю более родным, чем свою московскую квартиру. А Прасковья Андреевна — моя сестра. Деревенская. Как и городская моя сестра, она балует меня и прощает мне то, чего не простила бы в других <...> Та, городская, журит меня за невниманье к своим выгодам, заботится о моих туалетах, об успехах, а эта, крестьянская, больше всего думает о том, чтоб заполнить мою душу. А я еще думала, что заленюсь здесь на шаньгах, колобках, пирогах с творогом! Нет, Прасковьюшка не даст залениться! Больше, чем о житном тесте, думает она о другом: свадьбу ведь не досказали в прошлом году, кое что упустили <...> — теперь, уж все скажут, раз мне нужно знать. И сажает меня за карандаш...

Утренний сон, когда в открытую дверь жаркой горницы тянет с повети холодок, так сладок. Послышалось, будто старческий голос поет что-то <...> У Прасковьюшки кто-то сидит и поет. Срываюсь с постели и слушаю под дверью.

...Былина! Былина! Подглядываю: на лавочке крошечная сказочная старушонка поет с увлечением о «Кострюке, сыне Демрюкове», поет и прерывает горячими пояснениями и за-

О. Е. Озаровская и М. Д. Кривополенова после концерта.

ливается счастливым смехом артиста, влюбленного в свое творчество.

Я под хорошей звездой <...> Никаких подходов и осторожностей, — врываюсь в горницу, как в уборную артистки, выражай свой восторг и ничуть не смущайся — примет как должное.

Так и есть. Но, конечно, рада и польщена <...> Работа закипела. Бабушка поет, мы строчим, трещит фонограф <...> Ах, бабушка, не умирай! Дай мне испытать счастье быть твоей доброй волшебницей».

Озаровской довелось в полной мере испытать счастье первооткрывателя. Но если и можно говорить о чуде, то о чуде, тщательно подготовленном предшествующей работой собирательницы. Не будь за плечами Озаровской первой поездки на Пинегу, знакомства с Олькиной и другими пинежанками, перешедшего в прочную многолетнюю дружбу, не прояви Прасковья Андреевна доброй воли, не залучи к себе в дом бродившую в ту пору по округе Махоньку — не улыбнулось бы фольклористке капризное собирательское счастье. В конечном счете встреча эта представляется не большей неожиданностью, чем открытие периодической систе-

мы элементов учителем юности Озаровской Д. И. Менделеевым. Окончательная, стройная картина сложилась во сне, но как долго, как мучительно и упорно трудился мозг, прежде чем свершилось чудо открытия.

Интереснейшие штрихи к нарисованной уже картине первого знакомства содержат продиктованные мне воспоминания Василько Васильевича Озаровского (приобрел широкую известность в нашей стране и за ее пределами как крупнейший знаток жизни змей; кобры, гюрзы, питоны и удавы мирно сосуществуют в его тесной квартире. На фотографии, подаренной Пушкинскому дому вместе с уцелевшими материалами личного архива Озаровской, Василько Васильевич запечатлен во время одного из своих выступлений с коброй Победой). «Собственно говоря, — шутило вспоминает Озаровский, — честь открытия Кривополеновой принадлежит мне <...> Деревня Великий Двор рядом с Пинегой. Утром Прасковья Андреевна, мама, я, еще кто-то из соседей собрались в лес. Дверей на Севере по старинной традиции не запирают. Прислонили коромысло, — значит, нет дома. Меня что-то задержало, все обогнали меня шагов на двадцать. Тут подошла ко мне старушка с очень симпатичным, немного жалким лицом и трогательным, каким-то детским выражением, лет семидесяти на вид. Нищенка. Стала кланяться, креститься. Испытывая смущение (старый человек и вдруг кланяется мне, подростку, — неприлично!), я догнал маму:

— Там удивительно симпатичная старушка. Нужно ей что-нибудь дать!

— Вернись, там в кармане халата что-то есть...

Я быстро вернулся в избу, взял пятак (милостыня по тому времени немалая) и подал старушке. Бабушка опять закланялась, закрестилась, а я побежал догонять своих.

А на другое утро (это уж по рассказам бабушки, когда мы подружились с ней) бабушка подумала:

«В том доме мне хорошо подали... Пойду-ка еще...»

Мама спала. Прасковья Андреевна вынимала из печки печеное, когда явилась бабушка. Прасковья Андреевна охотно «добывала дичь» (то есть находила исполнителей) для мамы, она стала расспрашивать гостью, не знает ли, не поет ли та старин, поставила перед ней шангги, сметану...

— Знаю, — ответила бабушка.

И началось! Проснулась мама, проснулась Александра Петровна Соколова *. Сели записывать. Я безмятежно спал на «вышке», потом спустился вниз. Бабушку никуда не отпустили, оставили в доме <...> Скоро все мы научились у нее петь смешную «Небылицу в лицах, небывальщину», переняли скоморошину «Усишшатаманишша». Спустия некоторое время подня-

* Александра Петровна Соколова-Румер — друг и спутница Озаровской во время второй поездки на Север.

„ЗА ЖЕМЧУГОМЪ“

разсказъ о второй поездкѣ по русскому сѣверу, артисти

О. Э. ОЗАРОВСКОЙ

съ участіемъ крестьянки Архангельской губ., сказительницы

МАРИИ КРИВОПОЛѢНОВОЙ.

ПРОГРАММА:

Рѣка Пинега. Старины Маріи Кривополѣновой. Скоморошины. Кемь. Поморскій Александръ Дюма. Новая форма сказки. Лѣтній берегъ. Свадебная. Сѣверное сердце. Гордая царевна. Побывальщина. Куроцька рябушецька. Исполнить **О. Э. Озаровская.**

Иванъ Грозный, Князь Михайло историческія. Добрыня Микитиць (былина). Кострюкъ, Усишша — скоморошины. Исполнить **М. Д. Кривополѣнова.**

Начало въ 7½ часовъ вечера.

Печ. за № 30013 разр. 27 Ноября 1915 г. за Петр. Град. камерг. Лысоговскій.

Тип Б. Авидена. Моховая, 41.

Программа совместного выступления О. Э. Озаровской и М. Д. Криволеновой в Тенишевском училище. Петроград, 1915 г.

лись в верховья Пинеги (Веегоры, Усть-Ежуга, кривополеновские места). А потом пришла пора возвращаться в Москву. Бабушка остановилась у нас, на Сивцевом Вражке. Ей отвели комнату. Помнится, в третий приезд бабушки, в 1921 году, мне довелось открыть дверь на звонок Луначарского — он поспешил к нам, как только узнал, что Кривополенову доставили в Москву, поцеловал ей руку.

У бабушки была не просто блестящая память. Она оказалась подлинной артисткой. Мама особенно любила выступать с ней по школам. Молодежь после концертов выносила бабушку на руках. Казалось, она сама вышла из сказки*.

Вышла из сказки... «Бабушка, не умирай! Дай мне испытать сказочное счастье быть твоей доброй волшебницей», — взывала Озаровская, заканчивая очерк о знакомстве с Кривополеновой. Действительность превзошла самые смелые ожидания: «Сказка совершилась в Москве, в «каменной Москве», про которую она пела всю жизнь, побираясь за кусочками. Нищенка стала артисткой, знаменитостью [...] В огромном зале люди всех возрастов и положений, вставши с места, с чистыми и благоговейными лицами, не отрывая взоров от крохотной бабушки, поют [...] А я стою рядом и горжусь, что судьба вручила мне палочку для волшебного превращения» — так завершается очерк «Сказительница былин — Мария Кривополенова», венчающий цикл «За мармелугом» и написанный Озаровской под непосредственным впечатлением совместного триумфа в Москве в осенние дни 1915 года.

Дошел черед и до столицы. «Привезенная госпожой Озаровской пинежская «бабушка» — один из немногих чудом сохранившихся до наших дней обломков древней «синкретической» эпохи русской культуры. Для артистички не существует напева («голоса») отдельно от текста, и мертв текст без напева, и нераздельно слиты тот и другой с зачатками драматического действия: с мимикой, жестикуляцией, очень степенной, но и очень выразительной [...] Чем-то не только архаично-культурным, но и древнекултовым веет от Кривополеновой, от всей совокупности ее фигуры, ее манеры держаться, ее голоса, ее экспрессии, ее былей и небылиц [...] Так ее и принимать нужно, так о ней, собственно, и писать надлежит, для себя и для читателя сохраняя всю целокупность и слитность всего виденного и слышанного и воображением дополненного», — восторгался музыкальный критик В. Г. Каратыгин, посвятивший Кривополеновой профессиональную рецензию после ее выступления в зале Тенишевского училища.

Гудят рельсы, мелькают города, пестрят восторженными отзывами газеты Москвы и Петрограда, губернские «Ведомости» и «Лист-

ки». «Слушатели долго не отпускали бабушку и заставили ее повторить особенно понравившуюся «Небывальщину». «О. Э. Озаровская с бабушкой выступали еще в трех сеансах для учащихся. Желавших попасть было так много, что не смогли бы поместиться даже в Общественном собрании», «Ее пение слушали с напряженным вниманием. Голос ее удивительно тверд, а дикция поразительна, если иметь в виду, что у нее во рту всего три зуба. Она поет с увлечением, протестуя против попыток г-жи Озаровской сокращать ее «номера» из уважения к старческой усталости, [...] публика устроила горячие овации обим участницам вечера. Молодежь окружила их плотным кольцом, благодарила, — курсистки целовали бабушку», «Мария Кривополенова очень стара [...], но эта старушка сохранила секрет отчетливой дикции и правильной ритмической интонации: она сохранила всю прелесть народной наивности и согрета огнем художественных переживаний и веры в свои песни. Обе исполнительницы имели громадный успех».

Покинув родные края безвестной нищенкой, Кривополенова к концу года вернулась всеми признанной, почитаемой «северной бабушкой». Наконец-то (ибо несть пророка в своем отечестве) дошел черед и до Архангельска: «10-го декабря состоялся вечер архангельского кружка любителей изящных искусств при участии известной сказительницы, крестьянки Пинежского уезда Марии Дмитриевны Кривополеновой [...] Старушка много говорила о своих путешествиях и о тех впечатлениях, которые она вынесла от посещения обеих столиц [...] Зрительный зал Торгово-промышленного собрания был буквально переполнен», — почтительно писало о Махоньке «Северное утро».

По словам Ю. М. Соколова, высоко оценившего заслуги Озаровской перед русской фольклористикой, она «сумела так талантливо раскрыть перед людьми науки и искусства ее (Кривополеновой) исключительное дарование и так ясно показать необходимость изучения крестьянского поэтического творчества, что вскоре неразрывно связанные имена Озаровской и сказительницы Кривополеновой приобрели широкую популярность по всей стране».

В следующем, 1916 году Кривополенова продолжала свои выступления по городам России. А там — революция, гражданская война, последний приезд в Москву в 1921 году, радостное свидание с Озаровской, а за ним вечная разлука. Время сохранило для нас офорт, выполненный соратницей Озаровской в деле создания народного театра художницей Ниной Яковлевной Симонович-Ефимовой в 1915 году, когда Кривополенова достигла зенита своей славы. Сказительница в задумчивости замерла на фоне миниатюр к старине «Вавило и скоромхи», воспевающей непобедимую силу искусства и особенно дорогой сердцу Озаровской. На обороте дарственная надпись: «6 ноября 1915 года. Многоуважаемой Ольге Эрастовне Озаровской

* Записано мною в городе Фрунзе в январе 1980 года. — Н. Х.

Сказительница М. Д. Кривополенова и писатель Борис Шергин. 1915 г.

на память о хороших часах, проведенных у нея * с ней и с бабусей. Н. Е.».

Уцелели и старые снимки, так много говорящие уму и сердцу тех, в ком жива память об Озаровской и Кривополеновой. Вот они рядом на сцене. Озаровская крепко прижимает к себе «северную бабушку» после особенно удачного выступления. Вот бродят по кремлевскому двору, вот сидят, ласково улыбаясь друг другу, в квартире знакомого доктора во время гастролей в Ростове-на-Дону (в этом городе жила с семьей старшая сестра фольклористки Надежда Эрастовна, Остасович в замужестве; отсюда в Москву была прислана памятная фотография с трогательной надписью и пожеланием «еще много и долго «давать уроки» вместе и радовать публику»). А на этом снимке Мария Дмитриевна сидит рядышком с земляком своим Борисом Викторовичем Шергиным. Уроженцы одной губернии, они познакомились благодаря доброму вмешательству Озаровской, и кто знает, как сложилась бы судьба будущего писателя,

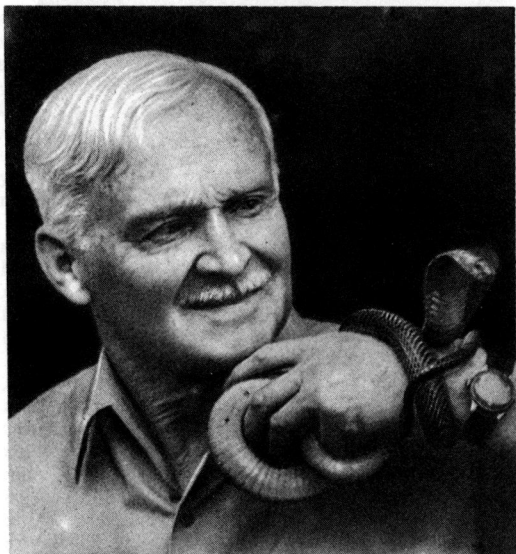
блестящего знатока и исполнителя русского фольклора, если бы не поддержка Ольги Эрастовны в начале пути.

В личном архиве собирательницы сохранилось письмо о том, как уходила из жизни «северная бабушка». Оно написано местным учителем Василием Ивановичем Стирмановым, впоследствии известным пинежским краеведом, инициатором создания музея, где почетное место занимают экспонаты о Кривополеновой и Озаровской. Спустя полвека трудно читать без душевного волнения этот человеческий документ:

8 апреля 1924 г(ода). С(ело) Пиримень Пинежского уезда) Арх(ангельской) губ(ернии). Ольга Эрастовна!

Зная, какое участие Вы принимали в судьбе бабушки М. Д. Кривополеновой, считаю долгом сообщить, что Мария Дмитриевна 8 февраля с. г. скончалась в д(еревне) Веегоры Михайловской вол(ости) Пинежского уезда Арх(ангельской) губ(ернии). Последние месяцы и дни своей жизни М(ария) Д(митриевна) провела, печально забытая, вероятно, большинством тех, кто раньше интересовался ее талантом, ее былинами, сказками, старинами, и питалась подаяни-

* Старая орфография.

В. В. Озаровский — сын О. Э. Озаровской — знаток змей Средней Азии. Фрунзе, 1979 г.

ем, переходя из дома в дом. За несколько недель до смерти она ночевала у меня и просила написать Вам о том, в каком положении она находится, что я и сделал, не зная до сих пор, получили ли Вы это письмо.

До последних дней М. Д. не переставала петь старины, которыми заслушивались взрослые, а особенно любили дети. При мне она, заснув на печке, во сне начала петь «Кострюка» и, проснувшись, без перерыва продолжала до конца, что привело в восторг бывших тут нескольких человек взрослых и детей, особенно любивших и перенимавших раньше у нее эту старину.

Думая, что М. Д. была забыта случайно, главным образом из-за ее удовлетворенности всяким положением, и что на обеспечение ее могли быть отпущены средства от государства, я просил бы Вас оказать содействие, чтобы таковые пошли на обучение внучат М. Д., незавидное детство которых она всегда старалась скрасить. Вместе с тем прошу Вас сообщить, когда и где были печатаны былины и старины бабушки и где сейчас их можно приобрести, что намерены сделать школы здешней волости, а может быть, и всего уезда. Одну книжку былин, сказок и старин с портретом М. Д. я видел у нее, кажется, в 1917 году, и если нет позднейших изданий, то крайне желательно было бы иметь хотя бы это.

Местный учитель В. И. Стирманов*.

«Бабушкины старины», записанные и подготовленные к печати усилиями Озаровской, издавались при жизни сказительницы дважды: в 1916 и 1922 (с дополнениями) годах. Пенсия на имя бабушки не застала ее в живых. Озаровская позаботилась о том, чтобы могила той, с

кем ей суждено было рука об руку войти в историю отечественной фольклористики, испытать бескорыстную радость сотворчества, не осталась безымянной. На смерть Марии Дмитриевны она откликнулась очерком «Перед портретом (памяти М. Д. Кривополеновой)», который и поныне остается, пожалуй, лучшим из всего, что посвящено «северной бабушке», и входит в наше сознание как нерукотворный памятник сказительнице.

— Кто это?

— Бабушка.

— Ваша?

— Нет, я не имею счастья гордиться такой бабушкой. Это всеобщая бабушка, или, как она себя называла после первой встречи и ласковой дружбы с наркомом А. В. Луначарским, «именитая бабушка», а после того, как навел на нее в глуши один любопытный американец*, — «всемирная бабушка».

— Кто же она?

— Народная артистка Мария Дмитриевна Кривополенова.

— Она получила это звание?

— Она его не получала. Она с ним родилась.

— Она служила в театрах?

— Она служила всю жизнь в Большом Народном Театре: на дорогах, в избах, на пороге и на печке. За это ей подавали.

— Так она была нищенкой?

— На ее родине нет такого названия. Ее называли «сиротиной». Это название указывает на участь, на долю. Ее любили, встречали радостно и радостно оплачивали свое удовольствие послушать «старины». (...) Однако эта старушка стала «известной артисткой» в общепринятом смысле слова. О ее выступлениях писались большие рецензии, с нее писали и гравировали портреты (...), ее ваял Коненков (...), она выступала в больших залах перед многочисленной публикой, она видела истинные восторги юности и умиление старых народовольцев (...), писатели почтительно целовали ее морщинистую руку, протягивавшуюся так долго за подаванием, певцы, следившие за ее дыханием и звуком, восклицали: «Итальянская школа пения!»

А после революции, как только уничтожил северный фронт, по распоряжению наркома по просвещению ей был выдан особый паек там, в страшной глуши, на севере, и затем по его же вызову прибыла она в Москву, чтобы работать с этнографами.

Нарком лично приезжал за нею, возил к себе в Кремль, лично отвозил и провозжал по темной лестнице до дверей квартиры, где остановилась бабушка.

— Она была все-таки образованная?

— Неграмотная. Но это не помешало Русскому географическому обществу выдать ей медаль «За научные труды и заслуги».

— Ну а техника? Школа пения?

— Чистый воздух и простор дорог...

* Альберт Рис Вильямс.

О. Э. Озаровская среди участников комитета по празднованию 30-летия ее артистической и научной деятельности. 1929 г.

— Как же она держалась на эстраде?

— Как большая артистка. Поклоны ее были истовые, улыбка обаятельная, взоры зажига-тельные, смех заразителный...

— Это когда же случилось? Сколько ей было тогда лет? Вы говорите о ней как о красавице.

— Да она же красавица! Посмотрите на этот лоб, хранящий такие изобильные знания <...> Городская слава и деньги пришли к ней на 72-м году жизни.

— Как она к этому относилась?

— Как мудрый нищий: благостно...

— Жива она?

— Умерла 80 лет.

— Умерла она в достатке?

— Как нищая и как артистка... Местный учитель сообщил подробности ее смерти <...> Редкому артисту суждена такая смерть*.

Озаровская пережила Кривополенову почти на десятилетие. Путь ее — путь подвижника, верящего в правоту и необходимость своего дела, устремленного в будущее. Слабеют силы, гаснет зрение, но снова и снова, не щадя себя, с бескорыстием истинного артиста и ученого, устремляется она на Север. Год 1925-й, год 1927-й.

На обложке школьной тетради, одной из тех, куда заносились полевые записи, набросок письма:

«...У меня одна надежда на Вас. Несколько лет я работала над свадебным обрядом на Севере. У меня он записан полностью в нескольких пунктах рек Пинеги и Кулоя со всеми циклами песен каждого района. В такой полноте еще не была никем изучена русская свадьба. В этом году мне привелось видеть свадьбу со всеми обычаями, какой не бывало уже 20 лет <...> Мне очень тяжело было бы сознание, что мой труд не увидит света, а он не увидит, если Ваше издательство не придет на помощь. План книги таков...»

* Опубликовано в журнале «Красная нива» за 1926 год, № 29 от 18 июля.

Сколько тревог, трудов, неосуществленных планов, требующих скорейшего воплощения. А время знает, делает свою работу. Фотография 1929 года. Озаровская в костюме пожилой северной крестьянки. Сарафан, темный платок, повойник. Доброе, осунувшееся, усталое лицо. А глаза, они почти не видят. Ее помещают в Ленинградский Дом ученых ЦЕКУБУ.

Групповой снимок: Озаровская — юбиляр в окружении членов комитета по ее чествованию: слева академик С. Ф. Ольденбург, справа председатель комитета академик П. Н. Сакулин, сзади стоят товарищ председателя профессор Ю. М. Соколов и брат его, фольклорист В. М. Соколов (вошли в историю фольклористики как братья Соколовы), председатель «Никитинских субботников» Е. Ф. Никитина, К. Н. Игумнов, артисты, ученые, единомышленники. 25 февраля 1929 года страна торжественно праздновала тридцатилетие научной, артистической и педагогической деятельности Озаровской. Торжество состоялось в Государственном театре имени Вахтангова. О нем писала «Правда».

Озаровская скончалась в 1933 году, вдали от Ленинграда и Москвы, с которыми связана вся ее сознательная жизнь, в киргизском городе Фрунзе, куда привезли ее, совсем уже незрячую, на попечение сына и его жены. На месте

кладбища, где погребли Озаровскую, стоит кинотеатр «Иссыккюль». Нет могилы, нет памятника над ней. Но память об Озаровской жива в ее трудах. Нерукотворный памятник воздвигла она себе. Последним, особенно весомым камнем в нем стала книга «Пятиречье», главный итог поисков Озаровской, вышедшая в 1931 году с иллюстрациями известного художника Л. С. Хижинского. На титуле сигнального экземпляра, присланного во Фрунзе из Ленинграда, незадолго до рождения внука, написано почти ощупью, вслепую:

«Книгу, съевшую мои глаза и здоровье, передаю как материнское благословение ненаглядному, бесконечно любимому сыну Васильку Васильевичу. Храни и никому не давай, не расставайся с ним. Это один из трех экземпляров, переплетенных Бернарду Шоу, гостю СССР, художнику и мне (...) Книга признана «вечной» и классической, но сохранится ли в нашу эпоху? Оценена будет лишь через сотни лет. Пока храните и пользуйтесь для будущего чада, рождение которого приветствую этой книгой. Только два издания в СССР соперничают: «1000 и одна ночь» и эта, «Пятиречье» (...) Сохраняйте и любите, как я Вас обоих.

*Мама, автор сына и сей книги.
29 июля 1931-го».*